

ТЕОРЕТИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Золотухина Е.А.

Мировой судья судебного участка № 30 Западного внутригородского
округа города Краснодара
(Красных Партизан ул., д. 567Б, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Золотухина Е.А. Теоретико-терминологические проблемы уголовно-процессуального института возмещения вреда. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(4):30–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-4-30-35>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Золотухина Елена Анатольевна, мировой судья судебного участка № 30 Западного внутригородского округа города Краснодара

Адрес: Красных Партизан ул., д. 567Б, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: + 7 (918) 129-39-22

E-mail: eaz2001@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2024

Статья принята к печати: 15.11.2024

Дата публикации: 27.12.2024

Аннотация: Терминологические проблемы постоянно проявляются в уголовном судопроизводстве. Их масштаб, суть и разнообразие свидетельствуют об отсутствии единого методологического подхода законодателя к выбору используемой терминологии. Как утверждается учеными, последствиями такой неизбирательности в терминах являются существенные затруднения в реализации уголовно-процессуального законодательства. Одним из направлений, в которых проявляются указанные трудности, является уголовно-процессуальный институт возмещения вреда. Подтверждением этому является разнообразие используемых в нормах указанного института терминов: обеспечение, компенсация, возмещение, вред, ущерб, имущественный, материальный, и др.

В данной работе изложены суждения автора, в том числе критического характера, касающиеся доктринального представления о современных подходах законодателя к использованию неоднозначных терминов в определении правил возмещения вреда и их содержательное раскрытие.

Цель данной работы – сформировать и изложить общий и частный подходы к решению теоретико-терминологических проблем, проявляющихся в уголовно-процессуальном законе, в части, касающейся порядка возмещения вреда.

Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи:

- сопоставление используемых законодателем в указанной сфере терминов и выявление смысловых несоответствий, а также следующих из них правовых противоречий;
- проверка гипотезы о связи терминологических проблем уголовно-процессуального закона с эффективностью функционирования рассматриваемого института и ее (связи) характеристиках (прямая, опосредованная, логически закономерная, ситуативная, случайная и др.);
- выявление и демонстрация различий доктринального и правоприменительного понимания используемых законодателем терминов в части возмещения вреда;
- формулировка предложений по возможным решениям теоретико-терминологических и правоприменительных проблем возмещения вреда в уголовном судопроизводстве.

Методы исследования: диалектический, формально-юридический анализ, системно-функциональный анализ, сравнительный анализ, синтез, обобщение.

Результаты: 1) синонимичность используемых в уголовно-процессуальном законе терминов в сфере возмещения вреда имеет производный характер, что обусловлено влиянием смежных отраслей права: гражданского, гражданского процессуального, уголовного; 2) при определении правового регулирования в сфере уголовно-процессуального механизма возмещения вреда необходимо учитывать теоретико-терминологическую основу цивилистической науки и законодательства, основываться на системности и комплексности регулирования соответствующих уголовно-процессуальных отношений; 3) необходимо смещение вектора научного внимания в сфере уголовно-процессуальной терминологии с определения «вред» и «ущерб», на «возмещение» и «компенсация», непосредственно ведущие к определению возможных и должных процедур восстановления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный закон, терминология, вред, ущерб, возмещение, компенсация.

Введение

Точность выражения замысла законодателя в тексте уголовно-процессуального закона является непременным и весьма важным условием его (замысла) реализации в правоприменительной деятельности. При этом сама по себе точность выражения зависит от таких факторов, как теоретическая разработанность терминов, наличие научно обоснованных признаков определяемого понятия, подбор достаточной совокупности этих признаков и др.

Фактор теоретической разработанности терминов обеспечивает наука, причем не только уголовного процесса. Теоретико-терминологические проблемы, связанные с формулированием правовых предписаний, стали объектами лингвистических [3, 4], правовых¹, экспертологических², криминологических [10] и иных исследований. Законодатель использует этот научный потенциал для формирования правовой основы уголовного судопроизводства. И в этом видится одна из закономерностей взаимосвязи между теорией, включая науку уголовного процесса, и используемым в законодательстве терминологическим аппаратом.

Однако, рекомендации ученых не всегда воспринимаются законодателем и в тексте уголовно-процессуального закона сохраняется определенное количество синонимичных, неоднозначно понимаемых либо абстрактных по своему смыслу терминов, что порождает не только научные дискуссии, но и правоприменительные проблемы, включая сферу возмещения вреда. Проблема воздействия науки на законодательную технику имеет многофакторный характер. В силу этого мы не в состоянии в рамках одной статьи и даже одного монографического исследования, предложить ее комплексное решение.

Поэтому для данной работы избрали только небольшую часть теоретико-терминологических проблем, затрагивающих институт возмещения вреда, как способ их наглядной демонстрации. В этой части отметим активный научный интерес к несоответствию между сложившимися доктринальными представлениями по используемой терминологии, разъяснениями высшей судебной инстанции и правоприменительной практикой. Результаты изучения многочисленных и разнообразных источников показали, что расхождения в этой части приобрели принципиальный характер.

Методы исследования

Диалектический метод в рамках настоящего исследования стал основным в силу общей направленности на поиск и выявление противоречий между законодательными формулировками терминов и уголовно-процессуальным смыслом, выявляемом в практике его применения.

Сравнительный анализ имеющихся в уголовно-процессуальном законодательстве терминов и их использование на практике (в части возмещения вреда) позволил выявить категориальный ряд, ставший общеупотребительным, но при этом отличающийся противоречивостью и несистемностью.

Системно-функциональный метод сделал возможным определить место и значение терминов в уголовно-процессуальном институте возмещения вреда, установив излишний объем понятий и, в то же время, позволил сделать вывод о возможности использования синонимов.

¹ Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 220 с.

² Кузнецов В.О. Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 161 с.

Посредством синтеза были получены новые правовые конструкции, обусловленные сформированным авторским подходом к терминологии в уголовно-процессуальном законодательстве и сделаны выводы о потенциально полезном направлении развитии современной науки уголовного процесса в части разработки терминов

Результаты исследования

1. Категоричность утверждения о необходимости применения единообразной терминологии в уголовно-процессуальном законе является дискуссионной. Существуют объективные причины для использования в содержании уголовно-процессуального закона синонимичных терминов (совпадающих по смыслу, но отличающихся по выражению, например, «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», «вред» и «ущерб» и др.). Одной из таких причин является производность регулирования части уголовно-процессуальных отношений от гражданского, гражданского процессуального и уголовного законодательства, создающих основу этого регулирования, в том числе и в части используемых терминов. Поэтому полтерминологичность в исходных, базовых предписаниях в уголовно-процессуальном законодательстве следует рассматривать как объективный и закономерный фактор.

2. В тексте уголовно-процессуального закона считаем возможным использование синонимичных терминов. В то же время неприемлемыми являются термины, абстрактные по смыслу, конкретизация которых может зависеть от ситуации (например, понятие «обеспечение» прав не имеет четкого и конкретного смыслового правового содержания и, отмечая обеспечение права на возмещение ущерба в судебном акте, невозможно однозначно понять, что именно под этим термином понимает суд и были ли действительно приняты все необходимые меры для того, чтобы потерпевший получил необходимую компенсацию). Ситуативное истолкование может носить разовый характер, приводить к принятию противоречивых, а подчас ошибочных, а то и незаконных процессуальных решений.

3. Для единообразия уголовно-процессуального правоприменения необходимым условием выступает не столько однообразие законодательной терминологии, сколько выявленное и подтвержденное судебной практикой смысловое наполнение соответствующего терминологического аппарата.

4. В науке уголовного процесса, как сферы научного знания, ориентированной в основном на процедурные аспекты деятельности, считаем целесообразным смещение вектора исследований на термины «возмещение» и «компенсация» и на разработку эффективного правового механизма применения одного и другого уголовно-процессуального механизма.

Научная дискуссия.

Терминология имеет самое непосредственное отношение к теоретическим основам уголовного судопроизводства. Именно теория позволяет раскрыть смысл термина, дать ему надлежащее определение и только после этого использовать для формирования модели желаемого поведения участников уголовного судопроизводства.

Термины имеют не только научное и (или) теоретическое значение. Термины, используемые в законодательстве, запускают особые правовые механизмы, приводящие к возникновению юридических фактов, наступлению правовых последствий для субъектов правоотношений. Особенно значимыми являются термины, используемые в уголовном судопроизводстве, поскольку его реализация всегда и постоянно протекает в условиях негативного воздействия на правовой статус гражданина, юридического лица и других субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

Примеров таких ситуаций можно приводить много. Так, термин «жилище» формирует уголовно-процессуальный механизм обеспечения его неприкосновенности. Любое иное помещение, не соответствующее признакам жилища, не охватывается соответствующим термином и не может обеспечиваться с позиции его неприкосновенности (без специального указания в законе). Обвиняемый – еще один термин, обозначающий субъекта уголовно-процессуального правоотношения, обладающего особой, уникальной совокупностью прав и обязанностей. Обыск, выемка, судебное разбирательство, уголовный процесс, уголовное судопроизводство и многие иные понятия, являясь процессуальными терминами, получают собственное содержание в уголовно-процессуальном законодательстве, предписывающем особые правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности, соответствующей тому или иному термину (обыск по процедуре отличается от выемки, предварительное следствие от судебного разбирательства и др.).

Однако, в уголовно-процессуальном праве используются и такие термины, которые не позволяют точно определить их смысловую нагрузку. Одной из таких проблемных сфер выступает возмещение вреда.

Законодательное регулирование возмещения вреда в отечественном уголовном судопроизводстве имеет политерминологический характер, т. е. законодатель при формировании соответствующего правового института использует разнообразную терминологию. В п. 33 и 34 ст. 5 УПК РФ указывается на причинение *вреда* лицу, необоснованно подвергнутому уголовному преследованию; ч. 4 ст. 11 УПК РФ говорится о вреде, причиненном лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование; в ст. 23 УПК РФ – о вреде причиненном коммерческой организации; в п. 3.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ о возмещении имущественного вреда (судом); в ч. 1 ст. 42 УПК РФ – о физическом, имущественном, моральном вреде.

Однако, в ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ указывается *ущерб* правам несовершеннолетнего; в ст. 125 УПК РФ – *ущерб* конституционным правам и свободам, а в п. 3 ч. 1 ст. 389.26 УПК РФ законодатель указывает на возмещение материального ущерба и компенсацию морального вреда.

Правоприменительная практика допускает еще большее разнообразие терминов. Так, в Обзоре судебной практики от 10 июля 2019 г.¹, неоднократно используются формулировки «причинение ущерба или иного вреда», «возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда», «способы возмещения ущерба и заглаживания вреда», «материальный ущерб». В Обзоре судебной практики от 26 апреля 2023 г.² используется уже менее разнообразная терминология.

А вот в материалах судебной практики по конкретным делам суды в своих решениях, как правило, оперируют термином «вред»³.

В научных работах имеется множество разнообразных точек зрения относительно того, какой термин наиболее правильный применительно к указанному институту – вред или ущерб [5]. Сразу обращает на себя внимание настойчивое стремление ученых ввести в уголовное судопроизводство оба термина, и вред, и ущерб. Причем в отношении каждого предлагаются индивидуальные процессуальные характеристики. Например, вред – компенсируется, а ущерб – возмещается [1, 2].

В.Ю. Стельмах рассматривает ущерб, как синоним вреда: «в уголовном судопроизводстве под вредом имуществу понимается только прямой положительный ущерб» [8, с. 26]. Об этом же пишут М.А. Шаина [9] и А.С. Петрова [7]. В соответствии с еще одной позицией вред и ущерб различаются в зависимости от сферы причинения: имущественный ущерб, моральный вред [6].

Приведенные обстоятельства свидетельствуют, что существует достаточно активная сфера научного поиска, цель которой – определить наиболее точный термин в указанном правовом сегменте.

По нашему мнению, указанная дискуссия малоконструктивна, в том числе и потому, что процессуалистам уже продолжительное время не удается сформировать единый подход к определению указанных терминов, доказать приоритет одного термина перед другим или обосновать использование обоих, но в разных контекстах. И если в теоретическом аспекте актуальность этой дискуссии можно обосновать потребностью в единообразии законодательной терминологии, то в практической плоскости термины – вред и ущерб понимаются как синонимы, вне зависимости от научных результатов. Полагаем, что такая ситуация вполне объяснима и закономерна.

Но у нас также имеются соображения, которые позволяют указать на причины сложившейся ситуации.

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 10.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 71-КГ22-6-К3 (УИД 39RS0001-01-2020-006768-74). Требование: о возмещении вреда, причиненного преступлением бюджету РФ. Решение: требование удовлетворено; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2024 г. № 3-УД23-17-К3. Приговор: по ч. 3 ст. 160, ч. 1 ст. 286 УК РФ (присвоение; превышение должностных полномочий). Определение Верховного Суда РФ: приговор отменен в части осуждения по ч. 3 ст. 160 УК РФ, дело направлено на новое рассмотрение, так как выводы суда о том, что осужденная совершила присвоение вверенных ей бюджетных денежных средств путем начисления самой себе ежемесячных премий, сделаны с нарушением правил оценки доказательств. Приговор изменен, признано считать осужденной по ч. 1 ст. 286 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы условно. Дополнительно по делу разрешены гражданские иски о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, дело направлено на новое рассмотрение в части.

Думается, что при раскрытии смысла и определении терминов, используемых в уголовно-процессуальном институте возмещения вреда, необходимо обратить внимание на системно связанные положения из иных отраслей права, а также использовать научные результаты других правовых наук. Нам представляется, что эффективные уголовно-процессуальные исследования понятий «ущерб» и «вред» невозможны без привлечения знаний из сфер науки гражданского права и уголовного права.

Формально-юридический анализ положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также сравнительный анализ используемой терминологии позволили получить следующие результаты.

В ГК РФ используются два термина – вред и ущерб. При этом интересен контекст: вред фигурирует в общих нормах, которые имеют характер дефиниций, а также в частных нормах. Например, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имущественным, так и неимущественным (нематериальным). В этой же статье говорится о том, что вред «возмещается». В ст. 12 ГК РФ законодатель отмечает компенсацию морального вреда, в ст. 16.1 ГК РФ – компенсацию ущерба, а уже в ст. 318, 336, 411 ГК РФ – возмещение вреда.

Ущерб в Гражданском кодексе Российской Федерации используется вместе с такими дополнениями, как «реальный» (ст. 15, 171 и др. ГК РФ), «явный» (ст. 174 ГК РФ), «несоразмерный» (ст. 130, 252 и др. ГК РФ), и др.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации имеется еще один термин – «убытки», причем он, в том числе, прямо связан с уголовным судопроизводством: в ч. 6 ст. 29 ГПК РФ предписывается порядок возмещения *убытков*, причиненных гражданину незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу, подписки о невыезде. А вот в ст. 409 ГПК РФ говорится о возмещении *ущерба*, причиненного преступлением.

В Уголовном кодексе РФ законодатель оперирует в большинстве случаев различными терминами: в п. «к» ч. ст. 61 – отмечаются имущественный ущерб и моральный вред; ст. 75, 76.2, ч. 4.1. ст. 79 и др.– говорится о способах возмещения: лицо «возместило ущерб или иным образом загладило вред»; ст. 76.1 – сказано о возмещении ущерба бюджетной сфере. В ст. 104.3 УК РФ законодатель наглядно демонстрирует невнимание к терминологии: заголовок статьи – «Возмещение причиненного ущерба»; в содержании – «возмещение вреда».

В уголовном законе в равной степени используются дополнительные определения как для понятия «вред» (небольшой, средней тяжести, тяжкий и др.), так и «ущерб» (значительный, крупный и др.), связывая с размерами того и другого правовые последствия (квалификацию преступного деяния).

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ дефиниций ни понятия «вред», ни понятия «ущерб» нет. Однако имеются предписания о том, какое уголовно-процессуальное значение имеет размер причиненного вреда (в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ относится к числу обязательно доказываемых обстоятельств), кому может быть причинен вред (потерпевшему, свидетелю, обвиняемому), какими действиями (совершенным преступлением, необоснованным обвинением, и т.п.), какие средства используются для его возмещения (гражданский иск, реабилитация, взыскание процессуальных издержек).

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что уголовно-процессуальный институт возмещения вреда имеет производный характер и определение вреда (ущерба) в большей степени зависит от предписаний из иных правовых сфер. И в этой части, полагаем, закономерной может быть следующая гипотеза – приоритет в определении вреда, как базового понятия, принадлежит гражданскому праву и в определенной части – гражданскому процессуальному праву (убытки). В поддержку состоятельности данной гипотезы выступают следующие аргументы: 1) только в ГК РФ имеется легальное определение вреда; 2) вред, как правило, связан с имущественными правоотношениями (прямо или опосредованно), регулирование которых обеспечивается гражданским правом.

Приведенные обстоятельства и высказанные соображения позволяют счесть, как представляется, вектор актуальных научных уголовно-процессуальных исследований с терминов «вред» и «ущерб», на другую пару категорий – «возмещение» и «компенсация». Именно эти термины

имеют непосредственное отношение к порядку деятельности, что является сущностью уголовно-процессуального права. Смещение вектора научных исследований позволяет сконцентрировать внимание на проблемах, действительно имеющих повышенную процессуальную актуальность. В качестве аргументом нашего мнения приведем следующие тезисы:

1) возмещение и компенсация в определенной части раскрывают фундаментальное уголовно-процессуальное понятие – «восстановление» прав, что позволяет высказать соображение о том, что оптимальные процедуры возмещения и компенсации имеют самое непосредственное отношение к достижению назначения уголовного судопроизводства;

2) возмещение и компенсация имеют различное содержательное наполнение, что обуславливает, полагаем, принципиальное, отличие в процедурах деятельности субъектов уголовно-процессуальных отношений, включая их властную группы – следователя, дознавателя, судью, суд;

3) возмещение вреда предполагает полное покрытие причиненных убытков (которые мы склонны рассматривать в широком смысле как по причинам наступления, так и по субъектам причинения), характер и размер которых должны быть установлены в ходе уголовного судопроизводства.

4) компенсация – это частичное покрытие указанных убытков. В уголовном судопроизводстве частичность покрытия должна быть четко определена – в какой именно части, как устанавливать, аргументировать и т.д.

Очевидно, что использование указанных терминов, как синонимов невозможno, поскольку в уголовно-процессуальном отношении они влекут разные правовые последствия, в том числе непосредственно затрагивающие законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

Список использованной литературы:

1. Ващенко Ю.С., Карлов В.П. Лингво-правовой анализ некоторых терминов уголовного права и процесса, их языковая специфика (ч. I). *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. 2019;4(94):2:165–174.
2. Ващенко Ю.С., Карлов В.П. Лингво-правовой анализ некоторых терминов уголовного права и процесса, их языковая специфика (ч. II). *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2020;(2):1:163–176.
3. Гриненко А.В. Определение размера ущерба по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией. *Налоги*. 2018;(5):30–33.
4. Балибекова А.М., Галева А.М. Судебный штраф по преступлениям без потерпевшего: способы возмещения ущерба и компенсации вреда. *Уголовный процесс*. 2022;(6):42–48.
5. Бикмиеев Р.Г., Бурганов Р.С. Процессуальное соучастие при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. *Российский судья*. 2020;(12):30–34.
6. Стельмах В.Ю. Участие юридического лица в уголовном деле. *Российский судья*. 2020;(12):25–29. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-12-25-29.
7. Петрова А.С. Проблемные вопросы, возникающие при разрешении гражданского иска в уголовном деле. *Российский следователь*. 2024;(7):42–46. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-7-42-46.
8. Шаина М.А. Вопросы возмещения вреда (ущерба) при производстве по уголовному делу в отношении лица, не являющегося субъектом преступления. *Современное право*. 2020;(6):104–106. DOI: 10.25799/NL.2020.41.48.013.
9. Матейкович М.С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика. *Журнал российского права*. 2020;3:103–118. DOI: 10.12737/jrl.2020.034.
10. Murhula P.B.B., Tolla A.D. The effectiveness of restorative justice practices on victims of crime. *Evidence from South Africa International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2020;9(3):1–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотухина Елена Анатольевна

мировой судья судебного участка № 30 Западного внутригородского округа города Краснодара